

«Чему же такому не учат в учебниках?»

Лу Чжихань слегка нахмурился, пытаясь сообразить, но не успел: Цзян Нин подхватил его и разом вскинул прямо на письменный стол.

С задетой полки с шорохом посыпались на пол тетради и сборники упражнений.

Цзян Нин обхватил его подбородок, не позволяя отвлечься на царящий внизу хаос. Свет потолочной лампы брызнул Чжиханю в глаза, заставив их увлажниться и блеснуть.

Сам же Цзян Нин стоял против света. Его взгляд казался непроглядной бездной, утягивающей без остатка — словно черная дыра, из гравитационного плена которой не вырваться ничему в этом мире.

И Лу Чжихань, замороженный, поддался этому притяжению, совершенно забыв, как сопротивляться.

— Начнем урок с поцелуев.

Губы Цзян Нина накрыли его губы. В воздухе тонко пахло терпким, незрелым лимоном, но сам поцелуй обжигал искренней, сокрушительной страстью, развеивающей в прах любые сомнения.

Теперь уже Лу Чжихань превратился в ученика, пытающегося решить неразрешимую задачу, условие которой дробилось и рассыпалось в пыль.

Впрочем, ответ под конец потерял всякий смысл.

Поцелуй обрушился на него всесокрушающей волной. Место и время подходили меньше всего, и Лу Чжихань попытался отстраниться, сохраняя остатки благоразумия.

— Тебе... нельзя этого делать...

— Это еще почему? — Цзян Нин приник губами к его мочке уха. Голос юноши звучал низко, с хрипловатой, почти осязаемой бархатцей. — Я ведь твой жених, разве нет?

Это слово будто обжгло Лу Чжиханя. Он сжал пальцами ткань на плече Цзян Нина, длинные ресницы вздрогнули и опустились, а на лбу залегла задумчивая складка.

Вид его растерянной покорности лишь сильнее разжег в Цзян Нине хищное желание зайти дальше.

Спустившись от порозовевшего уха ниже, Цзян Нин уткнулся носом в изящную, тонкую шею. Жесткие пряди волос кололи кожу, заставляя Чжиханя сладко вздрагивать.

Взгляд Лу Чжиханя затянуло туманной пеленой.

Мальчишка, стоящий перед ним, сейчас напоминал молодого волка — сильного и опасного. И выносливостью, и рельефом тела юноша давно превосходил его.

«Разве у обычных старшеклассников бывает такое тело?»

Мысли путались. Разум Лу Чжиханя словно накрыли плотным покрывалом: одна его часть жаждала с головой уйти в безрассудную смуту, но натянутая струна самоконтроля все еще удерживала от падения.

Он беспомощно уставился на рассыпанные по полу конспекты.

Когда же опомнился, Цзян Нин уже смотрел на него тяжелым, потемневшим взглядом. Горячая ладонь — та самая, что так часто помогала ему делать реабилитационные упражнения — сжала его висящую в воздухе, слабую ступню и без труда приподняла ее выше.

Со стола со скользким шорохом свалилась еще стопка книг.

Однако Цзян Нин, хозяин комнаты, даже не взглянул на этот беспорядок. Сбившимся, тяжелым дыханием он обжег ухо Чжиханя:

— Завтра в компании много дел?

Смысл подтекста дошел до Лу Чжиханя мгновенно. Вместо прямого ответа он выдохнул:

— Не глупи. Тебе завтра в школу.

— Подумаешь, линейка в честь начала года.

— Все равно нельзя. Ты еще слишком мал...

— Мал? — Цзян Нин изогнул бровь, в его узких глазах мелькнула досада. Перехватив ладонь Чжиханя, он властно потянул ее к себе. — Я же столько раз говорил: хватит держать меня за ребенка.

Его сложение всегда отличалось превосходной статностью, превосходя сверстников, но поджарое тело и безупречное лицо все еще сохраняли ярко выраженный юношеский задор.

Чувствительность пальцев Лу Чжиханя, в отличие от ног, была безупречной — он остро воспринимал любое тепло или холод. Стоило подушечкам пальцев коснуться пылающего тела Цзян Нина, как он тут же судорожно отдернул руку.

— Все еще мал? — тихо спросил Цзян Нин.

Лу Чжихань лишь поджал губы, не в силах вымолвить ни слова.

Цзян Нин выдвинул ящик стола, достал оттуда свой аттестат и удостоверение личности:

— Вижу, ты еще плохо соображаешь с хмелю. Взгляни сам, чтобы больше не переживать за нарушение закона.

Лу Чжихань уставился на документы и явственно растерялся. Он долго и с трудом напрягал память, пока в голове наконец не прояснилось:

— Сегодня... день регистрации в университете.

— Отлично, вспомнил, — усмехнулся Цзян Нин. Подойдя к шкафу, он вытащил школьную форму, которую давно не надевал. — Но раз уж тебе так нравится, могу показаться в ней еще разок.

Когда Лу Чжихань вернулся в страну, юноша уже окончил школу, так что в памяти остался лишь образ более чем годичной давности.

И теперь, когда Цзян Нин накинул сине-белую куртку, его давящая аура ничуть не поубавилась. Напротив, он стал похож на отъявленного хулигана, привыкшего измываться над слабыми.

Впрочем, Цзян Нин никогда и не претендовал на роль святого. Заметив, каким напряженным, сбитым с толку взглядом следит за ним Чжихань, он дерзко ухмыльнулся и, наклонившись к самому лицу, ехидно прошептал:

— Старшекурсник... Вы ведь не хотите, чтобы учитель узнал про наши с вами отношения?

Лу Чжихань слегка округлил глаза, явно выпав из реальности от подобного захода.

Прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить:

— Что?..

— Представь, что случится, если все узнают, что под маской неприступного, гениального гордеца-отличника скрывается эдакий распутник? — Цзян Нин подался еще ближе. — Чтобы я держал язык за зубами, придется проявить хоть какую-то искренность, а?

— Я... не знаю...

Подобная игра была настолько дикой и непривычной, что окончательно сбила его с толку.

— Начни с просьбы, — подсказал Цзян Нин. — Попроси меня.

Лу Чжихань медленно протянул руку и, точно заискивая, едва ощутимо потянул юношу за край куртки. Из его груди вырвался глухой, смущенный шепот:

— Пожалуйста... прошу тебя...

Цзян Нин стоял во весь рост, намного возвышаясь над сидящим на столе Чжиханем. Отсюда ему прекрасно видно было, как обычно безупречно уложенные волосы старшего в беспорядке спадают на лоб. Куда-то сгинула вся его привычная строгая представительность; растрепанный, в распахнутой рубашке, он казался удивительно хрупким рядом с ним.

— О чем просишь?

Пальцы Лу Чжиханя, вцепившиеся в подол куртки, дрожали от напряжения, дыхание сбилось. Очевидно, подобный сценарий в пух и прах разносил все строгие моральные устои господина Лу.

Он сковывал сам себя, не способный полностью расслабиться.

Однако Цзян Нин устоями отродясь не страдал и не намеревался упускать столь драгоценный случай.

Сжав подушечками пальцев его тонкую, изящную щиколотку, он слегка принажал — с недвусмысленной угрозой:

— Старшекурсник, я разве похож на добряка, у которого легкий нрав?

Молодой, пылкий хулиган терпением не отличается — он берет то, что хочет, немедленно и без лишних церемоний.

Пусть за плечами у Лу Чжиханя был богатый жизненный опыт, перед грубой силой и напором юности он оказывался совершенно бессилён.

Он смежил веки и поддался правилам игры, едва слышно произнеся:

— Прошу тебя... не говори никому...

Цзян Нин сдавленно усмехнулся. Упершись ладонями в стол по обе стороны от его бедер, он придвинулся вплотную:

— И так-то старшекурсники просят о милости? Одни пустые слова, а мне от них никакой пользы.

— Чего же... ты хочешь?

Цзян Нин въелся взглядом в его покрасневшую мочку уха и небрежно бросил ответный вопрос:

— Вы ведь у нас такой умный... Неужели сами не догадались?

Чего он хотел — было предельно ясно без слов.

Чувствуя, как горячее, тяжелое дыхание опалает лицо, Лу Чжихань вынужденно разомкнул веки.

Хотя разумом он понимал, что Цзян Нин уже окончил школу и давным-давно вырос, вид знакомой сине-белой формы все равно пробуждал в глубине души неловкое чувство вины.

Он сильнее сжал пальцы на ткани куртки, подался вперед и приподнялся, сокращая расстояние между ними.

От Лу Чжиханя веяло едва уловимым медовым ароматом вперемешку с винными нотками. Он волновался безумно — сильнее, чем во время их самого первого поцелуя.

Цзян Нин даже не шелохнулся. Опустив веки, он лишь наблюдал за каждым его жестом, необычайно щедро отдавая инициативу.

Лу Чжихань приподнял подбородок — точно гордый лебедь, обреченно подставляющий шею под клинок. Изгиб его шеи натянулся, вырисовывая безупречно изящную линию.

Прикосновение его губ отозвалось холодом.

Как и весь он сам — прохладный, сдержанный и невероятно нежный, словно трепещущий на ветру лепесток.

В любовной науке Цзян Нин уже давно превзошел своего учителя, но сейчас сдержал порыв отвечать с пылом — ему доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие созерцать эту непривычную картину.

Видеть, как Лу Чжихань робеет перед ним, было бесконечно упоительно.

Поцелуй Чжиханя полностью отражал его суть: робкий, осторожный, он лишь легонько касался сухих губ, увлажняя их и даря нежное тепло.

Но спектакль одного актера быстро истощил его силы.

Лу Чжихань попытался податься назад, чтобы увеличить дистанцию.

Однако не успел он отодвинуться и на сантиметр, как рука Цзян Нина сорвалась со стола и властно впиалась ему в затылок. Непреклонным движением юноша снова притянул его к себе.

От неожиданности они больно стукнулись губами.

Впрочем, мимолетная вспышка боли тут же потонула в волне нахлынувших чувств. В отличие от сдержанного Чжиханя, Цзян Нин никогда не отличался скромностью — его любовь, как и ненависть, всегда были искренними, явными и безрассудно пылкими.

Лишь спустя долгое время Лу Чжиханю наконец удалось выкроить секундную передышку. Уткнувшись носом в шею юноши, он отчетливо слышал, как гулко и часто бьется его жилка.

И прекрасно понимал: все только начинается.

— У меня в спальне ничего не припасено, — прошептал Цзян Нин. — Переберемся к тебе?

Голос звучал вопросительно.

Однако, не дожидаясь согласия, он подхватил Чжиханя на руки и, полуобнимая, увлек за собой из комнаты.

Мускулистые руки Цзян Нина натянулись от тяжести, твердые мышцы ощущались почти жесткими под пальцами Чжиханя.

Но уже мгновение спустя его бережно опустили на специальную анатомическую кровать. Цзян Нин привычным жестом подкорректировал угол наклона изголовья.

Придя в себя, Лу Чжихань уловил хитрое, лукавое мерцание в его глазах, и дурное

предчувствие кольнуло сердце.

И точно.

— А ведь мне ужасно интересно поглядеть, как эта форма смотрелась бы на тебе, — с улыбкой проговорил Цзян Нин.

Взгляд Лу Чжиханя упал на сине-белую куртку; ощутив невольный укол робости, он подался назад:

— Она... мне не подойдет.

Школьные годы остались далеко позади, и он невероятно давно не надевал ничего подобного.

— Подойдет.

Сняв с себя форму, Цзян Нин набросил её прямо на Чжиханя. Широкая куртка с головой накрыла его.

Кое-как выпутавшись из ткани, с окончательно растрепавшимися волосами, Лу Чжихань поднял взгляд — и столкнулся с горящими от восторга глазами юноши.

—... Ну хорошо.

Лу Чжихань неспешно продел руки в рукава. Безразмерная куртка смотрелась на нем совсем уж огромной, практически скрывая тело, но подчеркивала изящные ключицы и тонкую шею — сейчас в нем невозможно было угадать взрослого человека.

— Ну как? Не выглядит глупо?..

Цзян Нин на мгновение замер. В далеком детстве он уже видел Чжиханя в форме, хотя сам тогда был совсем крохой, а Лу Чжихань учился в средней школе.

И теперь, когда тот снова надел куртку старшеклассника, всплыли давным-давно погребенные в памяти картинки.

В детстве Лу Чжихань казался еще более неприступным и молчаливым. Он мог целыми днями просиживать в углу с книгой в руках — угрюмый, замкнутый мальчик.

Поэтому поначалу маленький Цзян Нин отнюдь не горел желанием с ним дружить. Но в то же время им владело одиночество, а как подступить к старшему мальчику, он понятия не имел.

И тогда он вытащил из рюкзака масляные пастельные мелки и тайком изрисовал каляками-маляками всю тетрадь, которую Чжихань только что закончил заполнять.

Цзян Нин, учившийся тогда в детском саду, абсолютно не задумывался о последствиях. На следующий день, вернувшись после занятий, он привычно прибежал к тетушке Чжиханя и уселся перед телевизором смотреть «Ультрамена».

В середине серии вернулся из школы Лу Чжихань.

Маленького Цзян Нина все же грызла совесть.

Он потихоньку убавил звук и стал наблюдать: Чжихань, как ни в чем не бывало, сел за стол и взялся за уроки, ничуть не выглядя сердитым.

Вот только обычно он расправлялся с заданиями быстро и принимался за чтение, а в тот день просидел над тетрадью немилосердно долго.

Одолеваемый любопытством, Цзян Нин подобрался ближе.

Перед Лу Чжиханем лежала абсолютно новая тетрадь — точная копия той, исчерканной. И он терпеливо переписывал туда все решения из испорченной.

Малыш Цзян Нин никак не мог взять в толк, к чему такие сложности.

Он до сих пор помнил, насколько спокоен и невозмутим был тогда голос Чжиханя:

— Тетрадь испачкана. Учитель сказал, что я не уважаю его предмет, и велел переписать все заново.

И тут до Цзян Нина дошло, какую глупость он натворил. Стоя у стола, он залился слезами. Сперва он плакал молча, но тут Чжихань недоуменно спросил:

— Ты чего плачешь?

Он искренне не понимал причины.

Провинившийся проказник от этого вопроса разревелся еще пуще, слезы градом покатились по круглым щекам.

Но Чжихань не стал его ругать. Он взял салфетку и стал неумело, с невольным вздохом утирать ему слезы:

— Не плачь. Глаза опухнут — болеть будут.

В тот вечер маленький Цзян Нин с опухшими, как грецкие орехи, глазами свернулся трогательным калачиком на диване и жалобно просидел рядом, пока Чжихань переписывал задачник до конца.

Пожалуй, именно с того дня у маленького Цзян Нина появился первый настоящий друг.

Очнувшись от воспоминаний, Цзян Нин бесшумно подался вперед. Точно птенец, вернувшийся в гнездо, он принялся с нежной страстью ластиться и целовать Чжиханя, проявляя небывалую ласку. Но стоит лишь Чжиханю попытаться скинуть слишком широкую куртку, как Цзян Нин тут же перехватил его ладонь.

— Я ведь был таким несносным в детстве... Я тебя раздражал, да?

Способность соображать возвращалась к Лу Чжиханю с трудом — выходящий с потом алкоголь слегка прояснил разум. Помолчав, он сипло откликнулся:

— Вовсе нет.

«Да быть такого не может».

Цзян Нин чуть подался вперед, заставляя его прочувствовать себя еще глубже, но сбавил темп, пытаясь:

— Хочу услышать правду.

В детстве дома никто не уделял ему внимания, поэтому он из кожи вон лез, чтобы натворить делов: чем громче шум, тем вернее тебя заметят.

Чтобы уговорить капризного ребенка, слуги во всем ему потакали и не смели трогать его вещи, из-за чего характер у Цзян Нина вырос ужасный — эгоистичный и взбалмошный.

В доме тетушки Чжиханя он вел себя точно так же, без зазрения совести донимая старшего.

Чжиханю тогда исполнилось четырнадцать — самый разгар подросткового бунта, когда любое заигрывание бесит. То, что он тогда не придушил назойливого мальчишку, уже было верхом ангельского терпения.

По щекам Лу Чжиханя струился пот. Предаваться ностальгии в такой момент было для него настоящей пыткой.

Однако Цзян Нин обнимал его со спины и, напрочь забыв об агрессии, умолял точно капризный ребенок:

— Ну правда, мне очень хочется знать.

Цзян Нин появился в его жизни именно тогда. Очаровательный малыш с округлым ангельским личиком и капризами избалованного барчука стал той самой разделительной чертой, что вырвала Чжиханя из кошмара: смерти матери, повторного брака отца и отъезда за границу.

— Если бы ты меня раздражал, — с трудом проговаривая слова, произнес Лу Чжихань, — я бы не стал играть с тобой в те глупые игры... И уж точно не вернулся бы за тобой.

В ответ Цзян Нин приник губами к его затылку.

Сердце затопила ликующая радость.

Оказывается, Лу Чжихань встретил его очень и очень давно. Он не был брошенным, нелюбимым ребенком — о нем помнили и заботились с самого детства.

Лу Чжихань не стал упрекать этого бесстыдника за то, что тот напрочь обо всем забыл. Чувствуя его душевный подъем, он тихо выдохнул:

— Я сегодня... тоже очень счастлив.

— Это еще почему? — Цзян Нин вдруг кое-что вспомнил и насупился. — Ты сегодня был слишком любезен с моими соседями по комнате. Я ревновал. Ужасно ревновал.

Лу Чжихань наконец понял, откуда взялось то первоначальное упрямство. Он тихо рассмеялся сбивающимся дыханием:

— Ты ведь уже не маленький... Откуда в тебе столько властности?

— Врожденное, — не задумываясь, отрезал Цзян Нин. — Не исправить.

— Я рад за тебя, — с нежностью ответил Лу Чжихань. — Рад, что ты поступил туда, куда хотел. А твоих соседей я расспрашивал лишь затем, чтобы они присматривали за тобой в учебе.

Закончив объяснение, он с улыбкой спросил:

— Все еще ревнуешь?

— Ревную, — Цзян Нин вновь мимолетно коснулся его губ и совершенно несерьезно добавил: — Поцелуешь еще пару раз — и перестану.

<http://bllate.org/book/19724/1945211>